

Шемякин в образе Пушкина

Культура. — 1997. — 30 окт. — с. 1

На днях посетители Музея личных коллекций обрели возможность ознакомиться с самым масштабным за последние годы иллюстрационным проектом — рисунками Михаила Шемякина к новому изданию незавершенной трагедии Пушкина "Русалка", подготовленному Петербургским театральным центром под руководством Владимира Репеттера.

Издание примечательно не только участием в нем Шемякина, но и, главным образом, своим текстологическим открытием — восстанавливается порядок глав, определенный Пушкиным, но не замеченный в рукописях. "Русалка" будет издана на двух языках — русском и английском. Научную сторону дела было поручено курировать ученому секретарю Пушкинской комиссии Института русской литературы С. Фомичеву, перевод пушкинского текста на английский язык — известному писателю Д. М. Томасу и специалисту по русской литературе Энтони Вуду. Тираж книги — 10000 экземпляров будет оплачен из средств "друзей и спонсоров", в число которых Владимир Репеттер включил и Министерство культуры. Представитель художника в

России О. Железкин сообщил, что выставка, возможно, будет последней экспозицией Шемякина в Отечестве. В письме, адресованном сотрудникам дирекции Музея изобразительных искусств, художник сообщил, что "правительственные чиновники постарались сделать все возможное, чтобы вторично изгнать меня, сначала из СССР, теперь из демократической России".

Сорок три графических листа Михаила Шемякина, представленные на выставке, являются скорее не результатом читательского опыта художника, а последствия его знакомства с рисунками поэта на полях рукописей. Это обстоятельство, кстати, создает для любого иллюстратора существенные трудности, и каждый, кто берется за такую работу, должен искать пути их преодоления. Михаил Шемякин со свойственным ему "эстетическим безразсудством" позволил себе самое простое разрешение проблемы — его графика выполнена как бы самим Пушкиным, помнящим свой личный опыт и художественные устремления на те, которыми обладает М. Шемякин.

Юрий АРПИШКИН
Статью В. Репеттера о новом проекте читайте на 16-й стр.

Пушкин А.

В 1999 году исполнится 200 лет со дня рождения Пушкина. Будет ли этот юбилей нашим внутренним российским делом, или станет — не по форме, а по сути — заботой открытого мира; окажется ли из ряда вон выходящим казенным мероприятием, или по сердцу и уму воистину приблизит нас к Пушкину — все в большей степени зависит от нас. Перед нами реальная дата и в то же время нравственная цель. Есть возможность обнаружить для себя пушкинскую перспективу.

На суд людской, на суд Поэта

Культура. — 1997. — 30 окт. — с. 16

Владимир РЕПЕТТЕР

Один из моих друзей-пушкинистов, у которого мало времени на политику, еще лет шесть назад высказался со всей определенностью: этот юбилей состоится при любом правительстве и будет отмечен любой формой власти. Но я задаю вопрос себе и тем, кто мне близок, задаю вопрос читателям: сумеем ли мы возвыситься до того, чтобы веселое имя поэта, его живая речь заставляли нас думать не о борьбе за сферы влияния, а об уникальной возможности объединения перед его лицом?

В 1899 г. Россия отмечала столетний юбилей со дня его рождения. Опыльный, ссыльный, невыездивший Пушкин впервые, кажется, на официальном уровне должен был быть признан поэтом государственным, имперским. Председателем юбилейного комитета был назначен брат государя императора, Великий Князь...

В 1937 году в стране большевиков отмечалось 100-летие со дня смерти Пушкина. Торжествами негласно руководил Сталин...

А теперь... Для тех, кто уже утратил веру в идеалы Ленина и Сталина, но еще не сумел утвердить в душе святую Троицу, свидетелем опрометчивых поступков и слушателем неосторожных речей окажется один Пушкин...

Но ко всякому доброму делу у нас изо всех сил тянутся прилипалы. Дмитрий Сергеевич Лихачев, ставший символом русской культуры, человек христианской нравственности и образцового терпения, однажды согласился с приходом на ответственную должность в Фонд культуры кадрового партпаратника. И долго ждал от него понимания того, какое высокое начинание возникает в коридорах арбатского министерства. Не дождался. Терпение Лихачева истощилось, и он написал статью о своем фонде и принесенных чиновником порядках, которую назвал "Обком культуры"...

Сегодня снова есть о чем тревожиться Лихачеву; снова он озабочен чиновными намерениями решить пушкинский юбилей на свой лад...

Мне кажется, в благородном деле можно было бы и объединить усилия чиновников и пушкинистов, но при одном условии. Лишь бы умный чиновник понимал свою роль и место и без широкого обсуждения каждого вопроса со специалистами не делал опрометчивых шагов. Лишь бы помогал ученым и художникам принести Пушкину

некупленные подарки... Когда я впервые вошел в знаменитую комнату-сейф и встретился с рукописью пушкинской "Русалки", я не мог знать, какие решительные последствия окажет это свидание на всю мою жизнь. Прикоснувшись однажды к этим большим, плотным, сложенным пополам страницам, я подключился, как выяснилось, к иному варианту собственной судьбы, который вместе с таинственной драмой Пушкина продолжаю разгадывать по сей день...

Что значат эти три римские цифры, выставленные Пушкиным над тремя сценами "Русалки"? То, что он поменял места три ее сцены. Почему же тогда во всех изданиях Пушкина не выполняется веление авторской руки?

И почему никто из читателей не имеет возможности увидеть, прочесть и осмыслить это почти окончательное блестящее решение Пушкина-драматурга? Так, безусловно, выведена над сценой римская цифра "I", так стремительно перевернута страница, что клюкса над этой единицей отпечаталась на со-

седнем листе, и легко вообразить себе нетерпеливое движение окрыленной руки...

Согласно последнему решению приговорен к жизни виноватый Князь, не в силах совершить возмездие Царицы русалок, да и все остальные герои пьесы также одиноки, непонятны и трагически разобщены. "Почему так?" — спросите вы. Рукопись отвечает.

Княгиня послала за Князем охотников и велела поставить свечу перед иконой, тем и спасла Князя — земной заботой и небесным попечением, простым поручением и горячей молитвой. Каким значительным смыслом наполняется будто бы проходной финал сцены "Светлица".

"Скорей зажги свечу пред иконой! — Бегу, мой свет, бегу!"

Только надо сцены переставить, как Пушкин велел...

Только надо самому успеть затеплить свечу... С целью привлечь новое внимание читателей к завершенной пушкинской "Русалке" три года назад я обратился к М. Шемякину с предложением написать новые иллюстрации к тра-

гедии. Три года шла работа — он обдумывал и рисовал, я заново писал художественный комментарий "История читательских заблуждений". (Он будет напечатан в журнале "Звезда" № 1 за 1998 г. и в книге "Возвращение пушкинской "Русалки").

Первая выставка графических листов М. Шемякина прошла с 6 июня по 19 сентября 1997 г. в Екатерининском дворце музея-заповедника "Царское Село", с 24 сентября по 19 октября экспозиция показана в Музее-квартире А. С. Пушкина на Мойке, 12. А 27 октября она открылась в Московском музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина...

Недавно я поражаюсь странной газетной кампании. Какую глупую роль сыграли под чью-то дудку не ведающие, что творят, хулители. Они пытались обвинить великого художника Шемякина в корыстолюбии и тщеславии. Это, по меньшей мере, смешно. Он за свой счет устроил большую ретроспективную выставку в Манеже... Он не просил гонорар за иллю-

страции к "Русалке". Он сделал это для России, для Пушкина, для нас. Прочтите, что пишет по этому поводу сам Михаил Шемякин... Письмо в Музей-квартиру Пушкина на Мойке, 12: "Это воистину — великая честь выставлять эти иллюстрации к замечательному и странному произведению величайшего русского Человека и Поэта в столь святом для души и сердца каждого мыслящего человека месте, в доме, где жил, творил и скончался этот благословенный Гений. Поэзия Александра Сергеевича Пушкина с детских лет околдовала, очаровала меня, озаряла мою юность и помогает сносить тяготы жизни сегодняшних дней. С этим волнующим мой дух местом меня связывает воспоминание, преследующее меня всю мою жизнь. В детстве в один из приездов в Ленинград из Германии (где я с семьей проживал в то время) моя мама повела меня в музей-квартиру любимого Поэта. Моя мать — Юлия Николаевна Предтеченская, актриса театра и кино, окончившая в 30-е годы Ленинградский театральный институт, она-то привила мне эту неистовую любовь к поэзии и прежде всего к ее кумиру — Александру Пушкину. Многие отрывки из "Евгения Онегина" я за плечи и спрашивала, что со мной. Я ничего не смог ей тогда ответить. Ночью у меня поднялся сильный жар. Во снах я не престанно видел белые сугробы, среди них черная фигура Онегина. Я бреду к нему. Перебдую мною одутловатое лицо покойника. Он тянется к своему подбородку и, как маску, срыгает жуткую личину. Я вижу любимое и знакомое лицо моего Пушкина. Опять поднимается рука, и мой Пушкин медленно возносит правую руку. В свете тусклого зимнего вечера я с ужасом вижу, что его рука стеклянная. Он отламывает один из пальцев и с силой мечет его в меня. Стеклянный палец вонзается мне в плечо. От резкой боли я просыпаюсь...

Прошли десятилетия. Я давно живу в далекой от пушкинского дома стране, за океаном. Встреча с талантливейшим, милым и по-доброму "смешным человеком" (как я его с любовью называю), с Володей Репеттером, фанатом "Русалочки" А. С. Пушкина, человеком, как мне кажется, чувствующим суть души великого поэта. Годы совместной работы. И вот плоды трудов наших в святой святых. На суд людской, на суд Поэта...

Вечный слуга великого и мистического графа Петрова — Михаил Шемякин".

Фото А. ЭПШТЕЙНА